

8. Дроздов П. Историческая школа Покровского // Правда. 1937. 28 марта.
9. Зайдель Г., Цвибак М. Классовый враг на историческом фронте. Тарле и Платонов и их школы. М., 1931.
10. К изучению истории. М., 1946.
11. Каганович Б. С. Евгений Викторович Тарле и Петербургская школа историков. СПб., 1995.
12. Кобрин В. Б. Кому ты опасен, историк? М., 1992 // VIVOS-VOCO! [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://vivovoco.ibmh.msk.su/vv/books/danger/part_3.htm. Доступ – 11.02.2012 г.
13. Перченко Ф. Ф. Академия наук на «великом переломе» // Звенья: Исторический альманах. Вып. 1. М., 1991.
14. Пионтковский С. А. Великорусская буржуазная историография последнего десятилетия // Историк-марксист. 1930. Т. 18/19.
15. Покровский М. Н. Историческая наука и борьба классов. Избранные произведения в 4-х кн. Кн. 2. М., 1965.
16. Покровский М. Н. Общественные науки в СССР за десять лет. Доклад на конференции марксистско-ленинских учреждений 22 марта 1928 г. // Вестник Коммунистической академии. Кн. XXVI (2), М., 1928.
17. Покровский М. Н. Очередные задачи историков-марксистов // Историк-марксист. 1930. Т. 16.
18. Покровский М. Н. Русская история в самом сжатом очерке. М., 1932.
19. Постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП (б) 26 января 1936 г. «Об учебниках по истории» // Правда. 1936. 27 янв.
20. Против исторической концепции М. Н. Покровского. М.; Л., 1939.
21. Резолюции, принятые на общем собрании Общества историков-марксистов от 19/III-30 г. // Историк-марксист. 1930. Т. 15.
22. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. ЦК КПСС.
23. «Что вы делаете со мной!» Как подводили под расстрел. Документы о жизни и гибели Владимира Николаевича Кашина. СПб., 2006.
24. Чудинов А. В. Историк воюющий: Н. М. Лукин // Историк и власть: советские историки сталинской эпохи. Саратов, 2006.
25. Яворский Матвей: академик, узник коммунистических Соловков // Solovki-энциклопедия. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.solovki.ca/people_18/javorsky.php. Доступ — 2.04.2012 г.

С. И. ПОСОХОВ

«СЧИТАЮ ДЛЯ СЕБЯ НЕПРИЛИЧНЫМ...»: ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОЦЕССА ЗАЩИТЫ ДИССЕРТАЦИЙ В УНИВЕРСИТЕТАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

*«...для меня было необыкновенно важно чувствовать нравственную связь с учреждением, в котором мне приходилось действовать, для того, чтобы моя деятельность имела необходимые нравственные стимулы и поддержку и была плодотворною»
(В. И. Модестов)*

Резюме: Статья посвящена выявлению и анализу этических аспектов процесса подготовки и защиты диссертаций в университетах Российской империи XIX – начала XX вв. На основе преимущественно источников личного происхождения характеризуются некоторые черты диссертационной культуры данного периода.

Ключевые слова: профессиональная этика, диссертационная культура, университеты Российской империи.

Посохов С. И. «Вважаю для себе неприпустимим...»: етичні аспекти захисту дисертацій в російських університетах XIX – початку XX ст.

Резюме: Статтю присвячено виявленню та аналізу етичних аспектів процесу підготовки та захисту дисертацій в університетах Російської імперії XIX – початку XX ст. На основі переважно джерел особового походження характеризуються деякі риси дисертаційної культури зазначеного часу.

Ключові слова: професійна етика, дисертаційна культура, університети Російської імперії.

Posokhov S. I. "It is truly obscene ...": ethical aspects of the defense of dissertations in Russian universities in the 19th – early 20th centuries.

Summary: The paper is devoted to the identification and analysis of the ethical aspects of the preparation and defense of dissertations at the universities of Russian Empire in the 19th – early 20th centuries. On the basis primarily of personal sources some certain features of the dissertation culture of mentioned period are characterized.

Key words: professional ethics, dissertation culture, Russian Empire universities.

© Посохов С. И.

Этический аспект профессиональной деятельности чрезвычайно важен, особенно когда речь заходит об университетах, где сосредоточены интеллектуалы, для которых важна не столько сама деятельность, сколько те смыслы, которыми ее наделяют. Этическое пронизывает все стороны отношений университетских людей, характеризует состояние университетского сообщества в целом.

Осознание принадлежности к университетской корпорации происходило и происходит, в том числе, в процессе процедуры присуждения ученых степеней. На сегодняшний день уже проделана большая работа по изучению как системы ученых степеней, так и самого процесса защиты диссертаций в университетах, в том числе на пространстве Восточной Европы. Более того, в современной российской историографии на повестку дня поставлен вопрос об изучении «диссертационной культуры» и «национальных диссертационных систем» [1; 2; 3]. Безусловно, процесс присуждения ученых степеней можно рассматривать с различных точек зрения, учитывая, что диссертация являет собой не только некий научный труд. Как пишет В. П. Корзун, «диссертация выглядит и как сложный тип коммуникации в научном сообществе; и как способ закрепления норм и правил в дисциплинарных сообществах; процесс защиты диссертации может быть осмыслен через призмы социального и научного контроля и в качестве фильтра – пропуска в научное сообщество; в целом диссертационная культура видится отражением мировых научных тенденций и специфики национальных историографий» [4, с. 6-7]. Важно отметить, что тем самым обозначился новый этап в изучении проблемы, поскольку наблюдается переход от преимущественного изучения нормативной основы к социальным и историко-культурным аспектам. Исходя из сказанного, попробуем порассуждать о профессиональной этике историка, проанализировав этические аспекты защиты диссертаций в российских университетах XIX – начала XX вв.

Впрочем, как известно, защита диссертаций в университетах – традиция давняя. Присвоение ученых степеней стало одной из важнейших привилегий университетов, отличавших их от других типов школ. При этом долгое время существование института ученых степеней обеспечивалось не какой-либо нормативной базой, а сложившимися «обычаями». Данное обстоятельство обусловило тот факт, что вся система держалась на неких внутрикorporативных правилах, которые выступали на уровне морального закона. Его нормы

чаще фиксировались не в письменной, а устной форме, а также различных обрядах. Церемонии и ритуалы были в числе наиболее важных символических форм общения и имели различные функции. Заметим, что многие «внешние» ритуалы, очевидно, сопровождалось глубокими внутренними переживаниями, которые были связаны с осознанием особой миссии, избранности, ответственности не только перед корпорацией, но Богом, ведь посвященный допускался в число тех, кто имел право трактовать Истину.

Некоторые из ритуалов и символов, сложившихся в средневековые времена, продолжали существовать и в XIX, и в XX веках, и даже дожили до наших дней, хотя первоначальный смысл их в значительной степени уже давно утрачен. П. Н. Милюков в своих воспоминаниях записал о традициях, сопровождавших его защиту: «По обычаю, профессора, один за другим, меня приветствовали с поцелуями у кафедры. Ключевский, когда дошла до него очередь, неловко и поспешно пожал мне руку. А я, со своей стороны, нарушил другой университетский обычай. После диспута обыкновенно кандидат, удостоенный степени, устраивал пирушку. Я пригласил на нее к себе домой моих молодых друзей – и не пригласил Ключевского. Это был уже форменный разрыв. Но пирушка прошла дружно и весело» [5, с. 108].

Безусловно, средневековый («доклассический») университет можно назвать не только «корпоративным», но и «церковным». Влияние церкви было определяющим, именно в церковных рамках первоначально и возникла сама ученая корпорация. Реформация стала прологом в процессе секуляризации европейского университета. Постепенно богословский факультет утратил свое ведущее положение, со временем ушло в прошлое требование конфессиональной чистоты в учебном процессе и многое другое, в том числе ряд церемоний и обрядов, имевших чисто церковные формы. Обмирщение коснулось и процедуры присуждения ученых степеней. Отход от устоявшихся моральных норм предопределил усиление негативных явлений в процессе присуждения ученых степеней, в частности, широко распространилась практика «торговли дипломами». Получение ученых титулов многочисленными неучами вызвало насмешки и издевательства в студенческой среде, а затем и в других слоях общества. Критика системы присуждения ученых степеней проявилась в полемической литературе XVII–XVIII вв. В одном из таких произведений описывается характерный случай: «...кандидат не отвечал на вопрос, улыбнулся и дал профессору бокал вина. Тот

переспросил еще раз, но этот всё молчал. Другие, тем временем, выглядывали в окно или читали книгу. Испытание закончилось, ответа не было, и кандидат отсчитал деньги из сумки на стол. Вся процедура сопровождалась не менее сомнительным диспутом... пока наконец кандидат не получил своё звание под аплодисменты. Путешественник удивлялся странным привычкам и один из присутствующих разъяснил ему: «Здесь за деньги можно получать не только дворянство и красоту, но и эрудицию и разум. Если бы вы могли рассказать полностью всю юриспруденцию, если бы у вас были глубокие специальные знания в области права и если бы вы досконально знали все книги, но у вас не было бы денег, то вы бы никогда не достигли этого звания. Можно быть пнём, болваном, можно быть аристократическим ослом, но не бедным, иначе вы не будете достойны юридической степени» [6, с. 210]. Такое представление о пороках системы присуждения ученых степеней станет широко распространенным, в том числе благодаря ее критике со стороны просветителей.

Модернизация университетов, которая началась в XVIII в., обозначила их переход от «корпоративного» этапа к «государственному» и отразилась в том числе на процедуре присуждения степеней, а также университетских церемониях и обрядах. Где-то этот процесс происходил латентно, где-то более явно. Государство не только контролировало соблюдение правил, но и использовало степени как непосредственное условие допуска к профессии: докторов прав – к адвокатуре и судебским должностям, докторов медицины – к врачебной практике, докторов богословия – к занятию высших церковных должностей. Тем самым государство, по сути, перевело степени из разряда внутрикорпоративных в разряд общегосударственных. Однако, наряду с этим, под влиянием идей Просвещения и неогуманизма постепенно будет складываться свое представление о качествах кандидата на ученые степени и в самой университетской среде. В частности, ученая степень доктора философии в рамках идей «неогуманизма» стала не просто допуском к профессии, а допуском к научному призванию вообще. На смену Истине как откровению пришла Истина как свет просвещения, т.е. как результат иного рода интеллектуальных усилий: теперь истину нужно было искать, а не трактовать. Как подчеркивал один из идеологов «модернизированного» университета, Ф. Шлейермахер, ученые степени должны удостоверять способность соискателя к научному поиску, ими «должны быть засвидетельствовано, что отдельный человек впитал в себя научный дух как принцип» [7, с. 526].

Хотя в Российской империи второй половины XVIII в. со стороны государства система ученых степеней не получила поддержки, но внутренняя жизнь Московского университета того же периода показала, что для ученой корпорации они были необходимы. Сложность была в том, что становление университета в Российской империи пришлось на время кризиса университета как социального института. И хотя в Московском университете к рубежу XVIII-XIX в. сложилась практика использования собственных ученых степеней: магистра философии, кандидата медицины, доктора медицины, бакалавра, но эти звания возникали в разное время, подчас спонтанно, по «обычаю» или «примеру европейских университетов», сам их смысл и требования к их присуждению изменялись, поэтому их еще нельзя рассматривать как систему [8, с. 282-284].

Законодательным образом система ученых степеней в Российской империи была учреждена в 1803 г., в соответствии с п.26 «Предварительных правил народного просвещения» [9. Т. 1, стб. 17], подписанных императором Александром I. Ученые степени присваивались факультетами университетов. Состав степеней менялся, но традиционной и наиболее долговечной (до 1884 г.) была комбинация «кандидат» – «магистр» – «доктор наук». Впрочем, уже тогда это триединство выглядело анахронизмом или, во всяком случае, чисто самобытным явлением российской академической жизни. Н. И. Пирогов восклицал: «Неужели же, пристрастившись к бюрократизму и к принципу устрашения числом испытаний и сроков, мы должны для этого удерживать все ненужное число ученых степеней?» [10, с. 210]. Действительно, к этому времени ученый мир Западной Европы уже отказался от многоступенчатой системы научной аттестации [11, с. 41]. В большинстве европейских университетов в XIX в. господствовала единственная ученая степень (доктор). Но в сословно ранжированном российском обществе ученые степени имели свой табельно-должностной и сословный статус, были увязаны со всей иерархической социальной системой. Не удивительно, что такая табельная градация действовала до 1917 г. [11, с. 55]. Идея «государственного» университета получила в России весьма последовательное воплощение. В тоже время, многие старые университетские обряды и ритуалы в этих условиях не смогли утвердиться, не случайно вводимые сегодня университетами на постсоветском пространстве мантии и знаки отличия профессоров и

ректоров выглядят здесь несколько искусственными, так как не опираются на предшествовавшую традицию.

Однако, что касается процедуры присуждения ученых степеней, то основные ее элементы были воспроизведены и в России, хотя также с ориентацией на опыт «модернизированных» европейских университетов. Порядок возведения в степени был подробно изложен уже в Уставе 1804 г., где этому была посвящена целая глава [12, с. 33-37]. Ее положения, в целом, также напоминают те, к которым пришла европейская ученая аттестация в начале XIX в. и которые отражены, например, в Уставе Берлинского университета. И для магистерской, и для докторской степени этапы процедуры были совершенно одинаковы: вначале публичный экзамен в присутствии профессоров факультета, потом чтение на факультете публичных лекций и защита диссертации (отличия между магистром и доктором выражались лишь в количестве вопросов на экзамене и количестве публичных лекций).

Становление данной системы в России происходило не без проблем. Об этом свидетельствует так называемая «Дерптская афера» 1816 г., когда выяснился факт торговли дипломами в Дерптском университете [См.: 13, с. 20]. После этого защиты диссертаций были на некоторое время приостановлены, а в Министерстве народного просвещения приступили к подготовке специального положения, в котором бы более детально регламентировался научно-аттестационный процесс. Такое «Положение» было принято 20 января 1819 г. (новые редакции принимались в 1837, 1844, 1864 гг.). Не характеризуя подробно эти документы [См. подробнее: 14], обратим внимание лишь на то, что, если по Положению 1819 г. тема докторской диссертации определялась соискателем, а магистерская давалась «по назначению факультета» [9. Т. 1, стб. 1142, 1144], то Положения 1837 и 1844 гг. закрепили право соискателей и магистерской степени самостоятельно определять тему своей диссертации [9. Т. 2, отд. 2, стб. 362]. К тому же, в Положении 1844 г. указывалось, что предмет магистерской и докторской диссертации не должен совпадать, а с текстом диссертации декан должен был ознакомиться еще до докторских экзаменов. Положения не регламентировали содержание диссертации, но подчеркивали, что она должна быть «самостоятельной». Тем самым мы можем наблюдать постепенную эволюцию взглядов на диссертацию со стороны государства: от определения ее как квалификационной работы к признанию за ней

самостоятельного научного значения. Со временем, представители государственной власти именно в диссертации считали возможным даже некоторое «вольномудство» (по свидетельству Н. И. Кареева министру народного просвещения Деянову принадлежали следующие слова: «Еще в ученой диссертации такая вольность позволительна, но не в учебнике!» [15, с. 183]). Еще в большей степени такой подход характеризовал научную среду. Как отмечают современные авторы, спорная диссертация уже в 1880-х гг. выступала своеобразным тестом, пробным камнем на готовность расширения дискуссионного поля науки [16, с. 128]. Также следует отметить, что уже при расследовании «дерптского дела» было обращено внимание на то, что защиты прошли без «публичного защищения».

Однако регулирование процесса присуждения ученых степеней происходило не только под воздействием представителей государственных структур и принятых нормативных актов. На данный процесс влияли и неписанные традиции, которые формировались в самом университетском сообществе под воздействием представлений о «приличиях» в ученом мире. Действительно, и в прошлом, и сегодня защита диссертации свидетельствует об определенном интеллектуальном уровне, символизирует приобщение к корпорации, становится важным фактором социализации, развития личности ученого. В ходе подготовки диссертации и самой защиты соискатель проходил и проходит через различные испытания, которые проверяют не только степень его трудолюбия и усердия, но и профессиональные, и моральные качества.

С другой стороны, поскольку защита в российских университетах (а такое право присуждать ученые степени имели в России только они) происходила не на специальном совете, а на совете факультета, то становилась фактором, влияющим на состояние самой корпорации и событием, которое ее характеризовало (поведение на совете часто становилось символическим, определяя статус и выявляя скрытые формы отношений).

Попытаемся, опираясь на примеры из жизни российских историков XIX – начала XX вв., охарактеризовать некоторые из диссертационных ритуалов и обычаев, показав как через них формировалась профессиональная этика, ведь как отмечают Н. Н. Алеврас и Н. В. Гришина, «в образовательной практике историко-филологических факультетов дореволюционных университетов сложились устойчивые основы как нормативной стороны, так и

неформальных традиций деятельности, формировавших диссертационную культуру русских историков» [1, с. 11].

Нередко в воспоминаниях универсантов встречаются те или иные эпизоды, которые характеризуются авторами словами «прилично» или «неприлично». Безусловно, моральные нормы имели реальный контекст применения и разобраться в том, кто прав или виноват в конкретной ситуации подчас нелегко. Тем не менее, можно назвать ряд «приличий», которые постепенно превратились в общепризнанные нормы в университетской среде. Так, например, В. И. Семевский, вспоминая о критике его диссертации, заметил: «Не сказать ничего о литературе, не воздать должного моим предшественникам на этом поприще, будет с моей стороны научным неприличием» [17, с. 24].

Принципиальность, последовательность, бескорыстное служение истине называются в университетской мемуаристике при описании качеств позитивных героев. Да и сами историки писали о науке как смысле их жизни (Д. И. Багалей): «Я же скажу о себе одно: лишить меня возможности работать для науки, значит нанести мне очень тяжелый удар, разбить всю мою жизнь» [18, с. 447]. Но особенно, с некоторых пор, стало отмечаться стремление сделать свой вклад в науку. Оценивая такие настроения в ходе написания диссертаций, авторы воспоминаний порой и о себе писали так (П. Н. Милуков): «я готовил вклад в науку, открывал новые пути» [5, с. 107]. Прагматическая цель (написать диссертацию) выглядела в этом случае оскорбительной. Не менее четко по этому поводу высказался П. Г. Виноградов в одном из своих писем родным: «Вы говорите, что я напрасно трачу слишком много труда и здоровья, тогда как следовало бы отнестись к этой необходимой работе проще и легче. Я не знаю, как приурочить свою настоящую задачу к практическим требованиям, хоть диссертации например. Ввиду того, что этого нельзя сделать и что нельзя также отделить часть от нее, а остальное оставить, я забываю пока диссертацию и имею ввиду только свою ученую цель в полном убеждении, что торговаться тут стыдно...» [Цит. по: 19, с. 110-111]. Исследователи заметили, что иногда собственно «ученая карьера», связанная с получением степеней и званий, противопоставлялась свободному научному творчеству и высокому профессионализму ученого [2, с. 231].

Высокие требования к уровню диссертаций, немалые затраты и лишения на пути к ученой степени позволили уже в начале XX в.

говорить о том, что «научный труд для многих талантливых молодых ученых превратился в научный аскетизм» [20, с. 132]. В то же время, следует напомнить, что аскетизм стал признаком собственно «профессорского стиля жизни»¹, а это значит, что такие лишения могли восприниматься как естественные для человека, решившего посвятить себя науке, как путь приобщения новичков к корпорации, их научной социализации.

Безусловно, применительно к данному периоду времени следует учесть влияние утвердившегося позитивизма, его идеалов научности и правил «научного приличия». В частности, в это время восторжествовал принцип отмежевания науки от этики, согласно которому наука должна быть свободна от ценностей, поскольку нет нравственной или безнравственной науки, а есть научная объективность. Соответственно, наука трактовалась как знание ценностно-нейтральное, свободное от этической или идеологической нагруженности. Хотя сегодня позитивистский подход уже выглядит архаическим, но именно эта позиция, как отмечает А. П. Огурцов, позволила утвердить высокий когнитивный статус науки в европейской культуре, приоритетность научного знания в самом составе культуры в противовес разного рода идеологиям [22, с. 12]. Так или иначе, но требование «объективности» стало одним из основополагающих не только профессиональных, но и моральных принципов российских (и не только) историков второй половины XIX – XX вв. В виде своего рода «заклинаний» его продолжают декларировать и в современных научных, особенно диссертационных, работах.

Этические нормы традиционно передавались от учителя к ученику в качестве некоего наследия. Это происходило через неформальное общение, которое часто происходило дома у профессора [см., например: 23, с. 2]. Это могли быть как регулярные встречи («вторники», «среды» и т.п.), так и встречи от случая к случаю. В ходе такого неформального общения не только давались профессиональные советы, но и происходил обмен всем социальным и культурным опытом. Так, Ю. В. Готье, характеризуя «своеобразный учено-педагогический метод» своего учителя В. О. Ключевского, вспоминал слова последнего: «нам нужно понять друг друга, я готов давать вам указания, если вы будете понимать меня, а я пойму вас» [24, с. 178]. Но достичь такого

¹ П. Бурдые пишет об «аристократическом аскетизме преподавателей» [21, с. 539].

понимания было нелегко. Взаимоотношения учителей и учеников складывались под влиянием различных обстоятельств. Среди таковых были и университетские традиции. По крайней мере, В. И. Модестов считал, в «старом» Казанском университете такие традиции к моменту его пребывания в нем вполне сложились и были весьма благоприятными для взаимодействия ученых разных поколений: «Тут в Казани все как-то было в своей колее и шло по заведенному порядку; тут чувствовались предания и связь настоящего с прошлым; тут университетские интересы, большие и малые, поглощали все остальные... Около людей с именем группировались молодые силы, стоявшие к своим руководителям в совершенно правильных отношениях, какие не часто встречаются в русских университетах, где старший иногда гонит младшего, вместо того, чтобы оказывать ему поддержку, а младший освобождает себя от необходимого уважения и признательности к своему бывшему наставнику» [25, с. 326]. Совсем иначе характеризовал автор эти строк атмосферу, сложившуюся в Киевском университете, где «происходила наиболее плачевная борьба между старыми и молодыми профессорами» [25, с. 602].

Такая борьба могла происходить и непосредственно между учителем и учеником, а ее обострение часто наблюдалось именно в момент защиты диссертации. Тем более что в традициях дореволюционной российской науки было участие учителя в качестве оппонента во время защиты, а самолюбие диссертантов не принято было щадить, нормой было стремление избегать при рецензировании диссертационного исследования панегирического тона [11, с. 174-176; 1, с. 17]. Как пишет А. Е. Иванов, жесткие правила ведения диспута обязывали оппонентов к пристрастно-придирчивому тону ведения дискуссии [11, с. 175]. К тому же, как отмечают исследователи, содержание оппонентских отзывов, как правило, соискателям не было известно [3, с. 130]. Н. И. Кареев вспоминал: «...мой учитель, в роли главного оппонента, был очень немилостив, что и мои реплики делались запальчивыми, конечно, отнюдь не смягчающими оппонента» [15, с. 139]. Историографам хорошо известна, в связи с этим, обида учеников на своих учителей: П. Н. Милюкова на В. О. Ключевского или Н. И. Кареева на В. И. Герье. Но обижались как те, так и другие. Проф. А. П. Лебедев, упомянув о своих учениках, заметил, что «Рождение докторов и магистров сопряжено бывает с немалыми потугами, а иногда и с значительными огорчениями» [26, с. 420]. Отметим, что

жесткое оппонирование, по нашему мнению, выступало зримым свидетельством признания самостоятельности работы ученика, свободы мнения как таковой, и не исключало предшествовавшей защите и последующей моральной поддержки со стороны учителя. Отношения учителя и учеников становились способом накопления научного капитала и разрушать эту связь позволяли себе немногие (полагаем, что обозначенные выше примеры конфликтов скорее были исключением, нежели правилом, и были связаны с болезненным самолюбием поистине выдающихся историков, которые отстаивали свою монополию на научную компетенцию¹).

Вообще защита диссертации становилась способом самовыражения для многих профессоров. Вот как вспоминал Н. Высотский о первой половине 1860-х годов: «Весьма интересен бывал Бодянский на диспутах: по какому бы предмету ни защищалась диссертация, лишь бы тема диссертации касалась предметов положенных на историко-филологическом факультете, Осип Максимович всегда выступал оппонентом. Возражения свои Бодянский пересыпал шутками, остротами, которые иногда чувствительно били по самолюбию лица, защищавшего диссертацию. Бывали случаи, когда Бодянский излагал свои возражения в довольно резкой форме...» [28, с. 162]. Выступление А. С. Лаппо-Данилевского на одном из диспутов в качестве оппонента длилось 1 час 40 минут. Характер оппонирования привел некоторых современников к заключению, что он «человек с большим самолюбием» [Цит. по: 3, с. 140].

Неприятные отношения с коллегами на «своем» факультете принуждали защищаться в «чужом» университете. Так, опасаясь получить негативную оценку своей докторской диссертации, не рискнул защищаться в Харькове Д. И. Багалея. Но при этом в письме В. О. Ключевскому он аргументировал свой отказ от Киевского университета тем, что таким образом избегал «подозрений в пристрастии» к нему со стороны его учителей В. Б. Антоновича и В. С. Иконникова [18, с. 442].

Безусловно, в процессе защиты и в это время могли сталкиваться различные научные концепции, проявляться

¹ В данном случае солидаризуемся с П. Бурдые, который под «монополией на научную компетентность» понимал «социально признанную за определенным индивидом способность легитимно (т.е. полномочно и авторитетно) говорить и действовать от имени науки». Научный авторитет, по его мнению, являет собою особый род социального капитала [27, с. 474, 479].

групповые интересы, личная неприязнь, свою роль играли влиятельные рекомендации, отношения диссертанта с руководством факультета и др.¹ Как тут снова не вспомнить П. Бурдые, который написал: ««Чистый» универсум самой «чистой» науки является таким же социальным полем, как и любое другое, со свойственным ему соотношением сил и монополиями, борьбой и стратегиями, интересами и прибылями, однако в этом поле все инварианты облекаются в специфическую форму» [27, с. 474].

Соответственно, на процесс и результаты защиты могли влиять не только расхождения во взглядах на науку, но и на жизнь. К слову, заметим, что ценности не могут быть редуцированы лишь к моральным ценностям, а аксиология – только к этике. Профессиональные ценности были тесно связаны с ценностями более широкого спектра, прежде всего общественно-политического и религиозного характера. Указания на «борьбу партий» в совете факультета не такое редкое явление в мемуаристике. Типичным примером может считаться упомянутая защита магистерской диссертации В. И. Семевским. Сегодня сделан вывод о том, что нарратив текста его выступления соответствовал традициям политической публицистики, а «диссертационная трибуна» была использована для выражения своей политической программы [3, с. 134]. Не характеризуя ее ход и все сопутствующие обстоятельства (которые достаточно изучены), замечу, что в этом случае переплелись «идейное» и «моральное». Сочувствующие претенденту считали, что «над В. И. Семевским в Петербурге творилось насилие» [29, с. 22]. Сам В. И. Семевский, вспоминая эту историю, неоднократно обвинял своих идейных противников именно в низких моральных качествах: «сплетничаньи по вопросу нимало не идущему к делу», резкости тона и невежливости при произнесении своей оценки, подлости и лживости. Основываясь на своих народнических убеждениях и будучи весьма решительным человеком, готовым к борьбе за свои убеждения («Разумеется,

¹ См., например воспоминания В. И. Модестова о защите в Киевском университете диссертации И. Коссовича [25, с. 597-598]. К слову, в этом случае претендент пытался скрыть свое незнание темы, прочитав вступительную речь на латинском языке, а затем, отвечая на вопросы, декламировал заученные латинские фразы. Как пишет В. И. Модестов, в связи с этим, оппоненты диспут вынуждено вели на латинском языке, который не все понимали. Последняя ремарка также свидетельствует об определенных этических нормах.

интриговать втихомолку удобнее, чем выступить в честный, открытый бой!»), он готов был подписать приговор не только научному сообществу, но и всей современной ему эпохе: «Беда таким образом не в том, что ученые подлецы – подлы, так это и быть должно, а в том, что более честные люди находят выгоднее молчать, несмотря на то, что такая политика в конце-концов может создать им не особенно красивую репутацию. Таково влияние подлого времени, нами переживаемого! Для характеристики современных нравов прибавлю, что Б. имел нахальство кричать публично в университете, что если где-нибудь мне предложат кафедру, то он сочтет своим долгом явиться, куда следует, и доложить, что я радикал и нигилист. И это безнаказанно говорилось в стенах университета, и никто не сказал ему, что это подло!» [17, с. 15, 17, 33, 36, 38]. Тем самым политическая нейтральность науки, как краеугольный камень позитивистской платформы, уже в это время была поставлена под вопрос, ибо стала увязываться с рядом не лучших моральных качеств.

Вообще в это время в среде университетской профессуры можно наблюдать проявления обостренного чувства собственного достоинства и корпоративной чести. Нормой жизни интеллигенции стали так называемые «третейские суды» или «суды чести». Н. И. Кареев вспоминал об одном таком эпизоде своей жизни (его ложно обвинили в том, что он написал донос): «Последовал между нами суд чести в составе К. К. Арсеньева, моего арбитра В. Д. Спасовича, арбитра другой стороны и Владимира Соловьева, избранного нами суперарбитром. Трачевскому... тотчас же пришлось уйти из квартиры Спасовича по прочтении приговора третейского суда, который тоже не мог ему понравиться. Я испросил у суда право опубликовать приговор, сказав при этом Трачевскому, что сделаю это только в том случае, если опять что-либо такое о нем услышу. ... Мне самому неоднократно потом приходилось участвовать в третейских судах и в особом «суде чести», бывшем организованным при Союзе взаимопомощи русских писателей в первые годы XX века. Часто дела возникали из-за дразг, не стоящих внимания...» [15, с. 198-199].

Вместе с тем, особенно в начале XX века, представители университетского сообщества очень болезненно реагировали на попытки государства регулировать отношения внутри университета. Радикализация общественных настроений интеллигенции обострила внимание к внешнему фактору.

Бюрократизация университетов виделась как «ненавистная мера» [30, с. 545], автономия и свобода преподавания напрямую связывались с личным достоинством и личной независимостью [31, с. 180]. По мнению К. А. Тимирязева, каждый русский профессор вынужден разрешать дилемму: «или бросить свою науку или забыть о своем человеческом достоинстве» [32, с. 58]. Либеральная профессура настаивала на своем праве самоуправления и выработки «внутренних стандартов». Особенно такое право отстаивалось в системе научной аттестации.

Впрочем, защита называлась «публичной» и это не было пустой фразой. В газетах давались объявления и анонсы о защите диссертаций, а порой и подробности состоявшегося диспута. Н. Н. Алеврас обратила внимание на то, что диспутанты-соискатели и оппоненты не только следили за подобными публикациями в прессе, но и занимались их целенаправленным сбором, о чем свидетельствуют коллекции газетных вырезок в личных фондах некоторых историков [3, с. 131]. Как отмечает И. Г. Воробьева, не менее значимо было восприятие диспута внеуниверситетской публикой. Таким образом университет, сообщая новые знания через средства печати, информируя о своих делах и проблемах, формировал окружающее пространство и стремился расширить свое влияние [33, с. 23]. П. Н. Милуков вспоминал: «Актовая зала была полна: публика собралась на диспут, как на борьбу чемпионов тяжелого веса. Мнения о том, кто победит, были различные...» [5, с. 107]. Безусловно, основную массу публики составляло студенчество, которое живо реагировало на общественные настроения, переноса их в университетскую аудиторию, и выражая их в том числе во время защиты диссертаций. Так, В. И. Модестов вспоминал о защите диссертации М. П. Драгомановым 11 февраля 1870 г., которая проходила при стечении многочисленной публики, преимущественно из студентов: «... поднялся среди студентов такой гам и рев на несчастного оппонента, что я для прекращения этого безобразия и предотвращения какого-нибудь крупного скандала стал просить декана Селина закрыть диспут» [25, с. 591]. Резкость студенческих оценок могла выражаться не только в словах. Когда студенты, громко высказывавшиеся на диспуте в 1872 г. в пользу защищавшего докторскую диссертацию по медицине г. Проценко, были удалены из зала, то один из них «позволил себе даже оскорбить профессора Томсу действием» [25, с. 600]. Но, как правило, студенты выражали свое сочувствие аплодисментами и криками «браво!».

Вообще, в этом случае, следует вспомнить о роли театральной культуры в студенческой среде. Увлечение театром, которое характеризовало российское студенчество на протяжении всего XIX века, в значительной мере оказало влияние на характеристики студенческой культуры как таковой.

Говоря об общественном резонансе, возникавшем вокруг защит диссертаций, прежде всего следует учесть, что в XIX веке количество таковых было незначительно¹, и каждая диссертация могла восприниматься как некое общественное явление. Оживление общественной мысли в период Великих реформ лишь добавило веса таким диссертационным диспутам, на которые стали смотреть как на воплощение свободы слова. Но, безусловно, следует вспомнить, что с середины XIX века и в других европейских странах на науку стали смотреть с особым оптимизмом, от нее стали ожидать решения важнейших общественных проблем. Такое восприятие характеризовало и само университетское сообщество. Заинтересованное обсуждение научных проблем в значительной мере должно объясняться теми смыслами, которыми наделяли в это время науку как таковую.

Однако к началу XX в. в Западной Европе защита диссертации все более становилась делом специалистов. В России также прозвучало мнение о том, что диспут является рудиментом средневековья и превратился в даровое зрелище для праздных зрителей, напоминая борьбу атлетов в цирке [34, с. 8-12]. Тем не менее, можно утверждать, что большинство продолжало настаивать на публичности защиты. Так, О. Зелинский писал: «В Германии этот докторский диспут большей частью отменен, а если где и удержан, то сведен к пустой формальности; имеем ли мы основание особенно дорожить этим пережитком средних веков? Думаю, что да. Мы имеем полное основание радоваться тому, что этот диспут, который во времена оны был самым живым элементом университетской жизни, у нас сохранился, и притом не как формальность, а с удержанием всей своей силы, как пробный камень для таланта кандидата... Докторский диспут может и должен быть усовершенствован; но именно он должен быть

¹ Всего за 1805 – 1919 гг. было защищено 178 магистерских и 90 докторских диссертаций по истории. В провинциальных университетах их количество поразительно мало: Казанский – 10/8, Новороссийский – 1/2, Харьковский 16/6, Университет Св. Владимира – 31/13 (Об этом см.: [1, с. 16]).

сохранен, как заключительный, торжественный акт всего академического *cursus honorum*¹» [35, с. 152-153].

Современные исследователи определенно пишут о том, что в российских университетах «оживленные дискуссии на диспутах расценивались как положительная сторона защиты» [2, с. 243]. Такие оценки типичны и для заметок, которые помещали о защитах диссертаций в периодике того времени. Постепенно не только в научном сообществе, но и в среде образованной общественности сформировались весьма высокие требования к научному уровню диссертаций, и любые проявления недостаточности такого уровня вызывали соответствующий резонанс (именно об этом, как считают Н. Н. Алеврас и Н. В. Гришина, свидетельствует часто упоминаемая в литературе неудачная защита Чечулина [2, с. 244]).

Впрочем, эти же авторы предостерегают от идеализации диссертационной культуры дореволюционной России. Об этом пишут и другие авторы. Так, С. П. Бычков отметил, что в начале XX в., в частности в лексиконе стремящихся к защите в церковно-академической среде, появились такие выражения как «тиснул по скорому книжку», «слизал у протестантского автора», «зашел в науку с черного хода» [16, с. 133-134]. Данный автор также сделал вывод о том, что в это время наряду с увеличением количества смыслов и функций диссертации, происходил и процесс «онуления», признания ученой степени практически ничего не значившей, маловажной в системе жизненных ценностей [16, с. 134]. Таким образом, можно зафиксировать наличие различных ситуаций и мотивов в процессе подготовки и защиты диссертаций. Впрочем, как уже отмечал А. Е. Иванов, искатели более легких путей в научно-педагогическую сферу не составляли большинства всероссийского ученого корпуса, а научная репутация диссертационных исследований второй половины XIX – начала XX в. была устойчиво высокой [11, с. 143, 163]. По мнению данного авторитетного исследователя, научно-аттестационный процесс был главным, если не единственным, регулятором научного уровня профессорско-преподавательского состава университетов, именно он консолидировал людей науки в корпорацию [11, с. 187].

В советское время многие ритуалы и традиции российской диссертационной культуры канули в Лету. Как известно, в 1918 г. были отменены все ученые степени и звания, а также связанные с

¹ «Путь чести» (лат.).

ними преимущества. Реформирование российской науки в первые послереволюционные годы сегодня рассматривается как крайний, предельно-радикализированный ее вариант [36, с. 361]. Хотя в середине 1920-х годов наблюдается процесс возрождения аспирантуры, однако некоторое время это не было связано с защитой диссертации. Возрождение процедуры защиты начнется в 1930-е годы и будет происходить по сценариям, заданным государством. Невиданное доселе огосударствление науки и образования станет отличительной чертой этого времени. К отличительным чертам добавим также и идеологизацию науки. Внешний контроль в это время достиг апогея и в значительной мере парализовал механизмы саморегулирования в научном сообществе. Вместе с тем, было бы неверно отрицать воздействие этических норм на процесс защиты диссертаций и в это время. Такие нормы существовали, существуют и будут существовать, пока существует сам человек, но они не являются неизменными. Так, в советское время особое значение станет придаваться «морально-политическому облику (позиции) диссертанта». Безусловно, постепенно возродятся и некоторые из укоренившихся старых традиций диссертационной культуры (по сути, проявлений профессиональной этики), но с существенными изменениями: теперь защиту станет отличать комплиментарность со стороны оппонентов, диссертационная работа должна безоговорочно поддерживаться научным руководителем, который выступал своего рода гарантом ее качества, гораздо больше внимания будет уделяться оформлению диссертационных сочинений, наличию обязательных ссылок (цитат) и деклараций, процедура защиты также будет все более детально регламентироваться (напоминая по форме партийные и профсоюзные собрания), конфликтные ситуации часто разрешались не на уровне локального научного сообщества, а сопровождалась обращениями к власти предрержащим. Вместе с тем, эти новые акценты существенно противоречили идее университета, лежащей в основе всех университетских традиций (поскольку идея университета в свою очередь в значительной мере базируется на идее свободы, свободного развития личности). Как пишет М. Култаева, «на уровне теоретической рефлексии моральный комплекс идеи университета включает в себя идею свободы, истины как высшего блага и преданного служения науке и человеку как высшим ценностям, а также обществу, гуманизации его. Этот морально-гуманистический комплекс является константой, своеобразным жестким ядром идеи университета» [37, с. 46]. Соответственно,

диссертация приобрела некоторые несвойственные ей ранее признаки. Особенно это касается диссертационных исследований по гуманитарным наукам, хотя очевидно, что науки находятся в единстве, а гуманитарная составляющая деятельности университета вообще является для него стержневой. Отсутствие свободной дискуссии, монометодология, догматизация подходов в значительной мере подорвали старую диссертационную культуру. Сохранившиеся традиции и ритуалы оказались пустой формой. Ослабление роли государства и утверждение мультипарадигмальности в науке в постсоветский период не привело к возрождению старых смыслов, а лишь усилило негативные процессы, в том числе девальвацию моральных ценностей. Попытки поправить дело путем усиления регламентации оказались неэффективными, научное же сообщество оказалось неготовым взять на себя регулирование этих процессов. Устаревшие государственные механизмы и слабость моральных норм в научной среде в очередной раз поставили вопрос «что делать?»¹. Во-первых, следует признать, что нынешняя система присуждения ученых степеней находится в состоянии кризиса, и что она является диагнозом для всего научного сообщества. Особенно сложная ситуация сложилась в области исторической науки, так подорванным оказался сам статус истории как науки, а профессиональное сообщество оказалось расколотым на множество сегментов и характеризуется внутренней напряженностью и даже конфронтационностью, в том числе идейно-политического свойства (как следствием соединения социокультурных и когнитивных ценностей). Если в советское время был отвергнут такой ценностный идеал науки как нейтральность/беспристрастность, то в наше время подвергаются сомнению, а то и отрицанию, бескорыстие науки и альтруизм ученых, в том числе и в среде самих ученых, а также нерушимость корпоративных правил, что приводит к «замусориванию» сообщества «случайными» людьми. Во-вторых, выход следует искать не на путях усиления бюрократизации диссертационного процесса (внешний фактор), а в области профессиональной этики и норм научного сообщества (внутренний фактор). Последнее подразумевает серьезные изменения в области кадровой политики, создание таких кадровых механизмов, которые бы обеспечивали саморегулирование, самообновление и самоконтроль, а в

¹ Попытка более развернутого ответа на этот вопрос содержится в статье [38].

перспективе определенную консолидацию научного сообщества, а также эффективное взаимодействие с другими сообществами (открытость к диалогу с обществом в целом). Важной в этих условиях видится роль разного рода негосударственных и неформальных объединений ученых. В-третьих, следует понимать, что высокие этические нормы в научно-исследовательской и учебно-педагогической сферах нельзя возродить в одночасье, потребуется немало времени и усилий. Среди прочего, для этого кроме философской и социологической рефлексии (в процессе которой можно сформировать новые идеалы и сформулировать новые смыслы, выработать осознанное отношение к этическим проблемам в научной среде, хотя бы путем утверждения представлений о том, что вненаучные ценности невозможно изгнать из научной деятельности, а «свободный от ценностей» ученый не является идеалом ученого) необходима также и историческая рефлексия, которая позволит не только опереться на традицию и тем самым сохранить необходимую для стабильности сообщества преемственность, но и отобрать наиболее действенные символы, ритуалы, традиции, найти им место в системе современных коммуникаций, при необходимости наполнить новым смыслом, превратив их в средство этической детерминации. Как отметил П. Бурдые, «Именно посредством социализированного тела (т.е. габитуса) и ритуальных практик (частично вырванных из временного контекста с помощью стереотипизации и бесконечного повторения), прошлое продолжает воспроизводиться, пока существует коллективная мифология, относительно независимая от непостоянства индивидуальной памяти» [27, с. 289].

Литература

1. *Алеврас Н. Н., Гришина Н. В.* Диссертационная культура российских историков XIX – начала XX вв.: замысел и источники исследовательского проекта // Мир историка: историографический сборник. Омск, 2010. Вып. 6.
2. *Алеврас Н. Н., Гришина Н. В.* Российская диссертационная культура XIX – начала XX веков в восприятии современников: к вопросу о национальных особенностях // Диалог со временем. 2011. Вып. 36.
3. *Алеврас Н. Н.* Диссертационный диспут как событие и традиция университетского быта второй половины XIX – начала XX века // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII–XIX веков. Челябинск, 2011.

4. Корзун В. П. От редколлегии // Мир историка: историографический сборник. Омск, 2010. Вып.6.
5. Миллюков П. Н. Воспоминания. М., 1991.
6. Цит. по: Füssel M. Ein Käfig voller Narren? Die Universität in karikatur und Satire // Universität im öffentlichen Raum. Schwbe Verlag Basel, 2008.
7. Шлейермахер Ф. Из сочинения «Размышления об университете в немецком смысле» // Университетская идея в Российской империи XVIII – начала XX вв.: Антология. М., 2011.
8. Андреев А. Ю. Российские университеты XVIII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М., 2009.
9. Сборник постановлений по МНП. СПб., 1864. Т. 1.
10. Пирогов Н. И. Университетский вопрос // Университетская идея в Российской империи XVIII – начала XX вв.: Антология. М., 2011.
11. Иванов А. Е. Ученые степени в Российской империи XVIII – 1917 г. М., 1994.
12. Устав Императорского Московского университета. М., 1804.
13. Галай Ю. Г. Коррупция и кумовство при получении ученых степеней в университетах Российской империи // Юридическая наука и практика: Вестник нижегородской академии МВД России. Нижний Новгород, 2010. №2(13).
14. Кричевский Г. Г. Учёные степени в университетах дореволюционной России // История СССР. 1985. № 2; Иванов А. Е. Ученые степени в Российской империи XVIII – 1917 г. М., 1994; Кричевский Г. Г. Ученые степени в университетах дореволюционной России // Ученые степени в России, XVIII – 1918 г. М.; Ставрополь, 1996. Вып. 1, ч.1.; Климов А. Ю. История создания Положений о производстве в учёные степени в архивных документах Российской империи. Ставрополь, 2005 и др.
15. Кареев Н. И. Прожитое и пережитое. Л., 1990.
16. Бычков С. П. Диссертация как завершение пути в науку. Особенности научного становления в стенах духовных академий русской православной церкви во второй половине XIX – начале XX в. // Мир историка. Омск, 2010. Вып. 6.
17. Автобиографические наброски В. И. Семевского // Голос минувшего. 1917. №9/10.
18. Стариков Г. Листи Дмитра Багалія до Опанаса Бичкова // Український археографічний щорічник. К., 2010. Вип. 15.
19. Антощенко А. В. Диссертация П. Г. Виноградова // Мир историка. Омск, 2010. Вып. 6.
20. Труды Высочайше учрежденной комиссии по преобразованию высших учебных заведений. СПб., 1903. Вып. 4.

21. Бурдые П. Различение: социальная критика суждения (фрагменты) / пер. с фр. О. И. Кирчик // Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики. Москва, 2004.
22. Огурцов А. П. Страстные споры о ценностно-нейтральной науке // Лэйси Х. Свободна ли наука от ценностей? Ценности и научное понимание. М., 2001.
23. Жебелев С. Памяти А. Н. Щукарева // Записки Императорского Русского археологического общества. 1901. Т. 12. Вып. 3-4.
24. Готье Ю. В. О. Ключевский как руководитель начинающих ученых (из личных воспоминаний) // В. О. Ключевский: характеристики и воспоминания. М., 1912.
25. Модестов В. И. В Казани и в Киеве (1867 – 1877): отрывок из воспоминаний // Исторический вестник. 1885. Т. 22.
26. Лебедев А. П. Автобиография // Богословский вестник. 1907. июнь.
27. Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики. М., 2007.
28. Высотский Н. Из далекого прошлого (Воспоминания о студенческих годах в Московском университете) // Вестник воспитания. 1910. № 7.
29. Светлой памяти В. И. Семевского // Голос минувшего. 1916. № 10. – подп. С. М.
30. Виноградов П. Г. Учебное дело в наших университетах // Вестник Европы. 1901. № 10.
31. Вернадский В. И. Разгром // Вернадский В. И. Публицистические статьи. М., 1995.
32. Тимирязев К. А. Новые потребности науки XX века и их удовлетворение на западе и у нас // Тимирязев К. А. Наука и демократия: Сб. ст. М., 1963.
33. Воробьева И. Г. Оппонент В. О. Ключевского Н. А. Попов // Мир историка. Омск, 2011. Вып. 7.
34. Шершеневич Г. Ф. О порядке приобретения ученых степеней. Казань, 1897.
35. Зелинский О. Университетский вопрос в 1906 году // ЖМНП. 1906. Ч. 4.
36. Колеватов Д. М., Согонова Е. Ю. Инструктивно-регулирующая деятельность ВАК: трансляция и закрепление нормативных рамок научного исследования в советский период // Мир историка. Омск, 2011. Вып. 7.
37. Култаева М. Моральні смисли ідеї університету у контексті досвіду переоцінки «усіх колишніх цінностей» // Покликання університету. К., 2005.
38. Посохов С. И. Диссертация = бюрократическая наука? (заметки по поводу «вечных проблем») // Мир историка. Омск, 2010. Вып. 6.